

В. А. Воропанов

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЮРИСДИКЦИИ В ОТНОШЕНИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II*

doi: 10.30759/1728-9718-2024-1(82)-25-32

УДК 94(571)“1762/1796”:342.56 ББК 63.3(253.3)513

В науке остаются малоизученными эволюция и развитие юрисдикции, осуществлявшейся в отношении коренного населения Сибири. Цель исследования — проанализировать изменения юрисдикции в отношении народов Сибири в период правления Екатерины II, а также определить их роль в процессах формирования территориальных образований и перспективного обеспечения их устойчивости. В данном ракурсе тема интеграции Северной Азии исследуется впервые. Работа выполнена с опорой на идеи «новой имперской истории» и теорию аккультурации. В статье сделан вывод о том, что реформы Екатерины II создали за Уралом новую судебную систему, носившую дихотомический характер. Имперский законодатель сочетал суды сословной подсудности с низшими органами юстиции, действовавшими на основе обычного права, предоставил населению право выбирать формы суда для разбирательства основной массы его дел. Институт сельских заседателей в расправах способствовал активному вовлечению коренного населения в сферу действия российского правосудия. Развитие правового регулирования юрисдикции и разворачивание юрисдикционной деятельности государственных органов превращало разнообразные этнические сообщества в органическую часть населения территориальных образований, создаваемых в Сибири, приобретавших устойчивые системы общественных связей и отношений.

Ключевые слова: *Российская империя, Сибирь, коренные народы, интеграция, юрисдикция, аккультурация*

В отечественной научной литературе накоплены знания о правовых обычаях отдельных коренных народов Сибири в имперский период истории России,¹ изучались особенности

форм организации и функционирования органов юстиции у некоторых из них,² раскрывавшие различные аспекты их вовлечения в правовое поле России. Появились работы, в которых авторы анализируют взаимодействие и взаимовлияние правовых систем коренных сибирских народов с правовой системой Российской империи непосредственно.³ Однако эволюция и развитие юрисдикции, установленной в законодательстве Российской империи в отношении коренного населения Азиатской части России в целом, не стали предметом

¹ См.: Бакиева Г. Т. Обычай и закон. Очерки правовой культуры сибирских татар в XVIII — начале XX в. Новосибирск, 2011; Борисов А. А. Якутское общество и обычное право в XVII — начале XX в. М., 2002; Воронов А. Г. Юридические обычаи остяков Западной Сибири и самоедов Томской губернии // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1900. Т. 18. С. 1–50; Гылыкова Е. С. Обычное право бурят (историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005; Лаппо Д. Е. Общественное управление минусинских инородцев. Томск, 1904; Миненко Н. А. Материалы по обычному праву народов Севера Западной Сибири первой половины XIX в. // Археология и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975. С. 30–46; Наумкина В. В. Обычное право кочевых народов Восточной Сибири. М., 2021; Павлинов Д. М., Виташевский Н. А., Левенталь Л. Г. Материалы по обычному праву

и по общественному быту якутов. Л., 1929. (Труды комиссии по изучению Якутской АССР; т. 4); Самоквасов Д. Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава, 1876; Тумурова А. Т. Обычное право бурят по Селенгинскому уложению 1775 года: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997; Цыбиков Б. Д. Обычное право хоринских бурят. Новосибирск, 1992; Юридические обычаи остяков Березовского округа; Юридические обычаи остяков Сургутского округа; Юридические обычаи самоедов Березовского округа // Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. Тобольск, 1884. С. 15–48; и др.

² См.: Зибарев В. А. Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.). Томск, 1990; Конев А. Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII — начало XX вв.). М., 1995; Марченко В. Г. Управление и суд у малых народов Севера Сибири и Дальнего Востока в царской России: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1985.

³ См.: Конев А. Ю. Народы Северо-Западной Сибири в XIX столетии: обычное право и имперское законодательство // Отечественная история. 2004. № 2. С. 180–185; Хлыстов Е. А. Механизм взаимодействия обычно-правовых систем сибирских народов с правовой системой Российской империи // Теория и практика общественного развития. 2023. № 2 (180). С. 139–144.

Воропанов Виталий Александрович — д.и.н., доцент, заведующий кафедрой государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал (г. Челябинск)
E-mail: vvoropanov@yandex.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 23-18-00268 «Юстиция в системе обеспечения безопасности и процессах интеграции периферийных регионов Российской империи (XVIII — начало XX в.)» (рук. Е. А. Крестьянников)

специального изучения. Между тем узаконенная деятельность органов юстиции, имевших на протяжении столетий самую разную организацию, являлась важнейшим способом его правовой аккультурации и, как следствие, влияла на формирование структуры регионов Сибири, частью населения которых становились разнообразными этнокультурные сообщества.

Цель исследования — проанализировать изменение юрисдикции в отношении коренных народов Сибири в период правления Екатерины II, определить их роль в процессах формирования территориальных образований и, как прямое следствие, перспективного обеспечения их устойчивости. В данном ракурсе тема интеграции областей Азиатской части России в ее состав изучается впервые. Исследование носит междисциплинарный характер и основано на сочетании актуальных подходов, прежде всего регионального и ситуативного. Таким образом, важное значение при его проведении имели труды, созданные в рамках «новой имперской истории», сместившей фокус внимания ученых к деятельности государств имперского типа по структурированию этнокультурных отношений в периферийных регионах, по интеграции и аккультурации их территорий и населения. Имперская политика аккультурации заключалась в регулировании взаимодействия разнообразных этнокультурных и этноконфессиональных групп между собой и с государственно-правовыми институтами.⁴ Правовая аккультурация была основана на обеспечении постоянного взаимовлияния правовых систем и правовых культур, являлась одной из ключевых форм взаимодействия этнокультурных и этноконфессиональных групп между собой и с государственно-правовыми институтами. Регулируемые процессы правовой аккультурации объективно и вполне успешно способствовали формированию новых региональных структур на периферии империи.

Работа выполнена с опорой на нормативные правовые акты, опубликованные в первом

Полном собрании законов Российской империи (СПб., 1830), и материалы делопроизводства органов местного управления, опубликованные и вновь извлеченные из хранилищ Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), а также Национального архива Республики Саха (Якутии) (НАРС(Я)) и Государственного архива Тюменской области (ГАТО).

В качестве вступления полезно повторить мысль о том, что Сибирь, огромный макрорегион в составе России, обладала комплексом особенностей. Процессы ее интеграции сопровождались формированием внутренней региональной структуры, в которой учитывались ареалы проживания и состояние развития коренных народов. С момента учреждения империи трансформации административно-территориального устройства Северной Азии ускорились, политика вовлечения ее населения в систему российских общественных отношений активизировалась. Изучение культуры, особенностей быта народов становились основой для выработки законодательных решений, направленных на их постепенную аккультурацию. На этапе административного освоения крупные размеры территорий и относительная замкнутость этнотерриториальных коллективов ограничивали вмешательство органов местного управления во внутренние дела родовых сообществ преимущественно вопросами сбора ясака. Другой формой выражения власти над ними оказывалось осуществление юрисдикции должностными лицами местных администраций, правовое регулирование которого в XVIII в. потребовало развития с учетом различий в образе жизни народов, их вовлеченности в социальные и экономические связи с пришлым русским населением.

Правление Екатерины II (1762–1796) ознаменовалось крупными государственными преобразованиями, в которых ясно просматривалось намерение усилить интеграцию периферийных областей и стандартизировать системы их управления.

К 1763 г. территории России, протянувшиеся в восточном направлении от Уральских гор до Тихого океана, находились в ведении и подсудности Сибирского приказа. Его наличие в имперской системе центральных органов управления свидетельствовало о продолжавшейся политике адаптации разнообразных областей Северной Азии в состав Российского

⁴ См. подр.: Ибнеева Г. В. Формирование имперской политики России во второй половине XVIII в.: опыт политического взаимодействия Екатерины II и имперского пространства: дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2007; Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи). Оренбург, 2019; Имперский поворот в изучении истории России: современная историография: сб. обзоров и рефератов. М., 2019; Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М., 2008; Миронов Б. Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб., 2017; Новая имперская история Северной Евразии. Казань, 2017. Ч. 2; и др.

государства. В 1763 г. Екатерина II распространила на Сибирскую губернию власть Юстиц-коллегии, упразднив Сибирский приказ.⁵ В 1764 г. за Уралом последовало образование второй губернии — Иркутской. Екатерина II предоставила губернскому руководству установить внутренние границы и разделить народы между юрисдикциями, которыми пользовались органы местных администраций.⁶ Состоянию управления коренными народами Сибири, среди которых в 1763 г. насчитали около 132 тыс. душ мужского пола,⁷ в том числе организации правосудия, императрица уделила особое внимание. Она утвердила решение Сената, последовавшее в ответ на представление сибирского губернатора Ф. И. Соимонова, об устном разбирательстве дел якутов по искам на сумму до 50 рублей.⁸ Действие данного решения распространялось и на иные этносоциальные сообщества. Указом от 19 ноября 1764 г. ясачная комиссия, находясь в Якутске, уведомила тунгусских (эвенкийских) и якутских князцов об обязанности разбирать дела населения, снижая нагрузку на воеводскую канцелярию («разве какая самая важность найдется яко смертное убийство разбой и болия воровства и протчие тому подобные»⁹).

В западной части Сибири — Тобольской губернии — татары с 1766 г. стали избирать особых должностных лиц — «опекунов», наделенных правом осуществления юрисдикции. Местным судам возбранялось вызывать татар по уголовным делам, за исключением о тяжких преступлениях, и по гражданским делам («о есашных по прозбам разного чина людей в долгах и в протчем (кроме криминальных, смертноубийственных и татинных дел) ни за каким делом в город не требовать и за ними нарочного не посылать»). Опекуны обязались выносить справедливые решения. Наказания виновных надлежало исполнять воеводской канцелярии.¹⁰ В случае необходимости к участию в осуществлении правосудия приглашали духовных лиц.

На севере Западной Сибири среди правителей сохранились жалованные наследственные князцы, право которых осуществлять власть в Обдорской и Куноватской волостях Екате-

рина II подтвердила грамотами от 14 января 1768 г.¹¹ («городки и волости и в них ясачных людей ведать и государев ясак и десятинну пошлину собирать»¹²).

Екатерина II предоставила подданным возможность высказать свои пожелания об организации правосудия в ходе работы Уложенной комиссии. За бурят и эвенков ходатайствовал князь Павел Гантимуров, настаивавший на соблюдении правил, предусмотренных актами, выданными в 1728 г. послом Владиславичем-Рагузинским пограничным должностным лицам в Забайкальском крае, и подтвержденных в разное время Коллегией иностранных дел и Сибирским приказом. На основании Наказа, составленного Екатериной II, Гантимуров предложил, чтобы в делах («ссорах и малых кражах») между коренными и пришлыми жителями («русскими людьми») участвовали представители обеих сторон.¹³

Указом от 3 сентября 1769 г., последовавшим как реакция на обращение депутата от якутов князца Сафрона Сыранова, Сенат ограничил юрисдикцию местной воеводской канцелярии в отношении коренного народа крупными уголовными преступлениями на основании актов, действовавших в отношении бурят и эвенков в Иркутской провинции, предписав «в малых между тамошними ясачными в их ссорах (кроме криминальных и смертноубийственных) дела не вступаться, и за теми якутами, на которых в таких малых делах просьбы происходить будут, в их улусы для взятъя к ответу не посылать и велеть судиться им каждому между собою у своих улусных князцов и других начальников». Родоначальникам надлежало действовать в качестве судов специальной подсудности первого звена. Тем же указом была окончательно ограничена деятельность ясачных сборщиков.¹⁴

Между тем сибирские дворяне и дети боярские Якутского уезда сообщили о том, что по решению ясачной комиссии были снижены размеры денежных компенсаций за скот, похищенный коренными жителями, установленные в 1754 г. Иркутской провинциальной канцелярией на основании договора, заключенного в 1689 г. Ф. А. Головиным с монгольскими тайшами.¹⁵

⁵ См.: Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ РИ). Собр. 1. Т. 16. № 11989. П. 17.

⁶ См.: Там же. № 12269.

⁷ См.: РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 191. Л. 106.

⁸ См.: ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 16. № 11827. П. 2.

⁹ Национальный архив Республики Саха (Якутия) (далее — НАРС(Я)). Ф. И-1. Оп. 1. Д. 13. Л. 300.

¹⁰ См.: ГАТО. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 803. Л. 1–2.

¹¹ См. подр.: Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004. С. 84–86.

¹² РГИА. Ф. 1265. Оп. 6. Д. 355. Л. 206.

¹³ См.: Сборник императорского Русского исторического общества (далее — СИРИО). Т. 14. С. 210–211.

¹⁴ См.: ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 18. № 13344.

¹⁵ См.: Там же. Т. 3. № 1336.

Следствием такого решения стал рост преступности («от ясашных иноверцев, по понаровке той комиссии, воровства весьма умножились»). Служилые люди просили сосредоточить дела о краже скота в подсудности Якутской воеводской канцелярии, восстановить уголовные наказания за такие преступления, а также прежние размеры денежных компенсаций за ущерб («чтоб их князькам к тому производству, яко незнающим законов и легкомысленным, не приступать»¹⁶).

Указом от 1 сентября 1774 г. Якутская воеводская канцелярия, утверждая старшину Саву Ляхова, избранного князем Батулинской волости, подтвердила ряд его обязанностей и полномочий, включая судебные («кроме криминальных дел и смертного убийства»¹⁷). В 1775 г. Якутская провинциальная канцелярия вновь указала коренному населению на необходимость обращаться по претензиям прежде всего к родоначальникам.¹⁸

24 апреля 1773 г. Иркутская губернская канцелярия подтвердила («в воеводския и управительския и во все судебные места») юрисдикцию бурятских родоначальников, чьи представители пожаловались на то, что их сородичей забирают по жалобам для взыскания долгов в Нерчинскую и Селенгинскую воеводские канцелярии и к коменданту Акшинской крепости.¹⁹ У бурят возникла потребность в записи норм обычного права, гарантировавшей им правосудие в менявшихся социально-экономических условиях: в 1763 г. сборник составили и приняли хоринские роды. Их примеру в 1775 г. последовали селенгинские.²⁰

В 1783 г. Екатерина II распространила на Сибирь общеимперскую судебно-административную реформу с учетом географических и демографических особенностей региона, форсировав вовлечение ее коренных народов в правовое поле России. Они оказались в подсудности верхних и нижних расправ — вида сословных судов второго и первого звеньев, учрежденных для сельских сословий. С учетом размера территорий первые из них создали в каждой провинции Иркутского²¹ и Тобольского наместничеств. Важно заметить, что нижние расправы отсутствовали в Нарымском,

Сургутском и Туруханском уездах Тобольского наместничества, где по-прежнему проживали преимущественно коренные народы. Губернское руководство предложило временно командировать для осуществления правосудия к ясачному населению служилых людей — сибирских дворян, детей боярских, казачьих старшин, владевших языками народов Севера.²² Представителей западносибирских татар, напротив, без труда привлекли к участию в деятельности нижних расправ и нижних земских судов.²³ Последние являлись органами уездной полицейской администрации.

Регулярные выборы сельских заседателей осуществляли родоначальники и лица, уполномоченные сородичами.²⁴ Екатерина II распорядилась проводить такие выборы, не обращая внимания на низкую заинтересованность туземцев, их неподготовленность к участию в осуществлении правосудия на основе законодательства (схожие упреки адресовались и крестьянам²⁵).

На крайнем северо-востоке Сибири местное руководство добивалось лояльности народов, полагая, что требовалось прежде разъяснить им цели реформы местного управления и назначения расправ, обеспечить распространение среди них знаний русского языка и грамотности. Если представители эвенков или якутов, избранные в должности, могли просить об освобождении, как, например, в 1786 г. Л. Байгин и Т. Хайгин, сославшиеся на удаленность своих жилищ,²⁶ то корякские решались оставлять службу самовольно — князец Эитолла и старшина Эилла, уехавшие из Акланска. Эитоллу по распоряжению иркутского генерал-губернатора уволили с должностей и заседателя, и князца.²⁷

Между тем в отношении наследного князца Ильи Шадрина, избранного сельским заседателем Якутской верхней расправы на 1793–1796 гг., губернское руководство засвидетельствовало, что он «во все оное время к должности имел усердие, вел себя порядочно, и ни в каких пороках не только не бывал, но и не замечен».²⁸

²² См.: РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 60. Л. 209–210.

²³ См.: ГАТО. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 2081. Л. 11–25.

²⁴ См.: НАРС(Я). Ф. И-1. Оп. 1. Д. 13. Л. 130б., 14, 140б., 175–1750б., 177, 222; РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 62/3. Л. 105–1050б.

²⁵ См. подр.: Павлова-Сильванская М. П. Создание в 1775 году сословных судов для крестьян // Вестник Московского университета. Сер.: История. 1963. № 3. С. 71, 72.

²⁶ См.: НАРС(Я). Ф. И-178. Оп. 1. Д. 59. Л. 1–22.

²⁷ См.: РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 62/3. Л. 1050б.–1080б., 153–156.

²⁸ Цит. по: Шадрин Г. Е., Шадрин Дьячкова Ю. Е. Агдаакы. V Мальжагарский наслег. Якутск, 2016. С. 39.

¹⁶ СИРИО. Т. 134. С. 411, 413–414.

¹⁷ НАРС(Я). Ф. И-1. Оп. 1. Д. 13. Л. 70–71.

¹⁸ См.: Там же. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–2.

¹⁹ См.: Там же. Д. 13. Л. 113–114.

²⁰ См. подр.: Фёдоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII — начало XIX в.). Якутск, 1978. С. 147–148.

²¹ См.: НАРС(Я). Ф. И-1. Оп. 1. Д. 106. Л. 1–8.

Верхние и нижние расправы, унаследовавшие судебные функции губернаторов и воевод, рассматривались как органы правосудия, способные обеспечить баланс общественных отношений и постепенную адаптацию коренного населения к правовой системе России. Его представителям была предоставлена возможность участия в разбирательстве дел и оценке потенциала законодательства для регулирования общественных отношений, менявшихся под воздействием комплекса социальных и экономических факторов.

Нижние земские суды оказались государственными органами, наиболее близкими этническим сообществам. Они исполняли широкий комплекс административных и полицейских обязанностей, обеспечивая их адаптацию к правовой системе через соблюдение требований, объявлявшихся им через родона начальников в виде указов²⁹ и даже инструкций, как, например, через выданный в марте–апреле 1789 г. земским исправником А. Ачкасовым «приказ» из 9 пунктов.³⁰ Актуальные указы рассылали нижние расправы, в судопроизводстве которых раскрывались различные аспекты общественных отношений.³¹

После проведения реформы Екатерина II сохранила в Сибири судебно-правовые автономии коренного населения. В Тобольском наместничестве татары добились неподсудности волостным судам, созданным в период 1782–1786 гг.³² Среди них продолжали проживать торговые иммигранты из Средней Азии, насчитывавшие в 1786 г. 2 704 чел.³³ Именной указ от 9 декабря 1787 г. не только вновь подтвердил их привилегии, включая право на самоуправление в сфере правосудия, но и допустил создание для них в городах Западной Сибири типовых, но корпоративно обособленных ратуши и словесных судов.³⁴

В восточной части Сибири Екатерина II вновь уделила внимание коренным народам в указе об устройстве Иркутского наместничества от 6 марта 1783 г., которым предписала поощрять применение ими внесудебных способов прекращения имущественных споров и подтвердила запрет на вмешательство в сферу обычного правосудия.³⁵ Наместническое прав-

ление и уголовная палата рассылали напоминания о полномочиях, а также ограничениях, установленных в части юрисдикций: нижним земским судам о невмешательстве в деятельность низших судов,³⁶ князям и старшинам о строгом запрете выносить решения по уголовным делам («подвергающим виновных телесному по законам наказанию»).³⁷

Именным указом от 19 января 1790 г. Екатерина II повелела учредить для якутов словесный суд («сходственно тому, как об оном в Городовом положении изображено»), одоблив инициативу, изложенную в прошении князца А. Аржакова, предоставив народу право разрешать свои конфликты и споры на основе обычаев, но допустив возможность обжалования решений словесного суда, типового по его форме.³⁸

Современник засвидетельствовал, что в 1780-х гг. судебные функции в бурятских родах продолжали исполнять уполномоченные родона начальники («тайши, зайсаны, шуленги, засолы и дамелы»): «по винам и преступлениям в улусах на суд их всякое изследование поручено повелением бывшей Удинской провинциальной канцелярии 1781 года, а исполняя разбирательства, па мунгальской грамоте ведут обстоятельные записки».³⁹

Екатерина II велела собрать материалы по истории и культуре коренных народов восточных областей Российской империи, в том числе генерал-губернатору иркутскому и колыванскому, проявляя интерес к любой информации, характеризующей местное население («все сии сведения, а притом предания между ними сохраняющиеся, сколько бы они с истинною были ни несообразны, описать без всякаго разбора»). Содержание документов и записок, присланных в наместническое правление, обобщил и систематизировал надворный советник Ф. И. Ланганс, председатель первого департамента верхней расправы и уголовной палаты,⁴⁰ автор справочника, изданного в 1788 г. в Москве под названием «Словарь юридический, или Свод российских узаконений, по азбучному порядку для практического употребления Императорского Московского университета в юридическом факультете».

²⁹ См.: НАРС(Я). Ф. И-1. Оп. 1. Д. 13. Л. 100б.–16.

³⁰ См.: Там же. Л. 295–296.

³¹ См.: Там же. Д. 47. Л. 81–810б.

³² См.: ГАТО. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 804. Л. 1–16.

³³ См.: РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 60/2. Л. 210б.

³⁴ См.: ПСЗ РИ. Собр. I. Т. 22. № 16593.

³⁵ См.: Там же. Т. 21. № 15680. П. 4.

³⁶ См.: НАРС(Я). Ф. И-1. Оп. 1. Д. 13. Л. 300–301.

³⁷ Там же. Л. 279.

³⁸ См.: ПСЗ РИ. Собр. I. Т. 21. № 16829. П. 3.

³⁹ См. подр.: Описание Иркутского наместничества 1792 года. Новосибирск, 1988. С. 90.

⁴⁰ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 300. Л. 1–10б., 1230б.–124.

В перспективе сведения, собранные местными экспертами, могли быть использованы при разработке оптимальных законодательных решений в отношении коренных народов, в том числе в сфере организации правосудия. Менее чем через четыре десятилетия именно такую задачу поставит император-законодатель перед местными администрациями: собрать сведения об общественном быте коренных народов и особенно о правовых обычаях с целью последующего включения норм обычного права в систему российского законодательства и применения их в местных судах.

Итак, в законодательстве Екатерины II существенное развитие получило правовое регулирование юрисдикции в отношении коренных народов Сибири, составлявшей крупнейшую в империи губернию от Уральского хребта до Тихого океана. Уже в 1763 и 1766 гг. императрица предоставила самостоятельность в сфере правосудия татарам и якутам, наделив начальников их общин судебными функциями. В 1767–1768 гг. наиболее многочисленные и активные сибирские народы получили возможность сообщить свои представления об оптимальной судебной организации через депутатов в Уложенной комиссии. Буряты и эвенки Иркутской губернии отстаивали право на широкое самоуправление в сфере правосудия («кроме криминальных дел и смертоубийства»), предоставленное им в 1728 г., эвенки и якуты Якутского уезда добились распространения на них действия тех же законодательных норм. Иные коренные народы пользовались фактической судебной-правовой автономией, оставаясь в формальной юрисдикции органов местных администраций.

С 1783 г. судебно-административные преобразования Екатерины II форсировали интеграцию регионов Сибири в состав России, создали уникальные возможности для коренных народов принимать участие в правоохранительной и правоприменительной деятельности посредством сельских заседателей в верхних и нижних расправах (судах сословной подсудности второго и первого звеньев), а также в нижних земских судах (органах уездной полицейской администрации). Местные власти обосновали отказ от создания нижних расправ в трех северных уездах Тобольского наместничества (Нарымском, Сургутском, Турханском) устойчивыми автономиями быта коренного населения.

При этом традиционные суды стали частью новой судебной системы Российской империи,

придав ей ярко выраженный дихотомический характер. Волостную реформу, реализованную в 1782–1786 гг. в качестве эксперимента в западной части Сибири, не распространили на татар как на особую группу оседлого населения. В отношении всех коренных народов восточной части Сибири — Иркутского наместничества, состоявшего из Иркутской, Нерчинской, Охотской и Якутской областей, — именным указом от 1783 г. установил правило подсудности гражданских дел традиционным судам, в том числе представленным родовыми начальниками, с возможностью обжалования их решений в судах первого звена. Коренные жители Забайкальского края («тунгусы и братские люди») продолжали обращаться за правосудием к уполномоченным представителям знати — тайшам, нойонам, зайсанам. Таким образом, пореформенный порядок судопроизводства предоставлял коренному населению дополнительные гарантии правосудия, освободив их от обязанности разбирать основную массу дел в государственных судах и сохранив контроль за деятельностью судов традиционных. В условиях несовершенства правового регулирования осуществления юрисдикции нормы, изданные для Иркутского наместничества, могли быть применены в отношении всех областей Сибири. Иркутское наместническое правление контролировало точное применение именного указа от 1783 г., ограничивая прежде всего судебную власть органов полиции.

Реформы Павла I в сфере судостроительства (1797–1800 гг.) повлекли упразднение верхних и нижних расправ как особого вида судебных органов и должностей сельских заседателей как элемента непрофессионального участия в осуществлении функций государственного управления, существенно сократив потенциал влияния правовой системы России на правовые системы коренных народов Сибири. Тем не менее законодательство Екатерины II зафиксировало право разнообразных этнических сообществ на значительную самостоятельность в сфере правосудия, что позволяло адаптировать их к правовой системе империи, превращая в органическую часть населения административно-территориальных образований, приобретавших устойчивые системы общественных связей и отношений. Особые организационно-правовые формы деятельности низших органов юстиции носили временный характер, обеспечивая складывание условий и предпосылок для проведения новых реформ.

Vitaly A. Voropanov

Doctor of Historical Sciences, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch (Russia, Chelyabinsk)
E-mail: *vvoropanov@yandex.ru*

**REGULATION OF JURISDICTION OVER THE INDIGENOUS PEOPLES
OF SIBERIA UNDER CATHERINE II**

The evolution and development of the jurisdiction exercised over Siberia's indigenous population remains poorly understood. The purpose of the study is to analyze the changes in jurisdiction over the peoples of Siberia under Catherine II, as well as to determine their role in the processes of formation of territorial entities and the prospective provision of their stability. In this perspective, the topic of North Asian integration is being explored for the first time. The work is based on the ideas of the "new imperial history" and the theory of acculturation. The article concludes that the reforms of Catherine II created a new judicial system beyond the Urals, which was of a dichotomous nature. The imperial legislator combined the courts of estate jurisdiction with the lower bodies of justice, acting on the basis of customary law, granted the population the right to choose the form of court for the consideration of the bulk of the cases. The institution of "rural assessors" in the courts contributed to the active involvement of the indigenous population in the sphere of Russian justice. The development of legal regulation of jurisdiction and the deployment of the jurisdictional activities of state bodies turned various ethnic communities into an organic part of the population of territorial entities created in Siberia, which acquired stable systems of social ties and relations.

Keywords: *Russian Empire, Siberia, indigenous peoples, integration, jurisdiction, acculturation*

REFERENCES

- Bakieva G. T. *Obychay i zakon. Ocherki zakona kul'tury sibirskikh tatar v XVIII — nachale XX v.* [Custom and Law. Essays on the Law Culture of the Siberian Tatars in the 18th — Early 20th Century]. Novosibirsk: Geo Publ., 2011. (in Russ.).
- Borisov A. A. *Yakutskoye obshchestvo i obychnoye pravo v XVII — nachale XX v.* [Yakut Society and Customary Law in the 17th — Early 20th Century]. Moscow: Knizhnyy dom "Universitet" Publ., 2002. (in Russ.).
- Fedorov M. M. *Pravovoye polozheniye narodov Vostochnoy Sibiri (XVII — nachalo XIX v.)* [Legal Status of the Peoples of Eastern Siberia (17th — Early 19th Century)]. Yakutsk: Yakutskoye kn. izd-vo Publ., 1978. (in Russ.).
- Gylykova E. S. *Obychnoye pravo buryat (istoriko-pravovoye issledovaniye): kand. diss.* [Customary Law of the Buryats (Historical and Legal Research): Diss. Cand.]. Moscow, 2005. (in Russ.).
- Ibneeva G. V. *Formirovaniye imperskoy politiki Rossii vo vtoroy polovine XVIII v.: opyt politicheskogo vzaimodeystviya Ekateriny II i imperskogo prostranstva: dokt. diss.* [Formation of the Imperial Policy of Russia in the Second Half of the 18th Century: The Experience of Political Interaction between Catherine II and the Imperial Space: Diss. Doct.]. Kazan, 2007. (in Russ.).
- Imperskaya politika akkul'turatsii i problema kolonializma (na primere kochevykh i polukochevykh narodov Rossiyskoy imperii)* [Imperial Policy of Acculturation and the Problem of Colonialism (On the Example of Nomadic and Semi-Nomadic Peoples of the Russian Empire)]. Orenburg: ITs OGAU Publ., 2019. (in Russ.).
- Imperskiy povorot v izuchenii istorii Rossii: sovremennaya istoriografiya* [The Imperial Turn in the Study of Russian History: Modern Historiography]. Moscow: INION Publ., 2019. (in Russ.).
- Khlystov E. A. [The Mechanism of Interaction between the Customary Legal Systems of the Siberian Peoples and the Legal System of the Russian Empire]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2023, no. 2 (180), pp. 139–144. DOI: 10.24158/tipor.2023.2.19 (in Russ.).
- Konev A. Yu. [Peoples of the North-West Siberia in the 19th Century: Routine Law and the Imperial Legislation]. *Otechestvennaya istoriya* [Domestic History], 2004, no. 2, pp. 180–185. (in Russ.).
- Konev A. Yu. *Korennyye narody Severo-Zapadnoy Sibiri v administrativnoy sisteme Rossiyskoy imperii (XVIII — nachalo XX vv.)* [Indigenous Peoples of North-Western Siberia in the Administrative System of the Russian Empire (18th — early 20th Centuries)]. Moscow: IEA RAN Publ., 1995. (in Russ.).

Marchenko V. G. *Upravleniye i sud u malykh narodov Severa Sibiri i Dal'nego Vostoka v tsarskoy Rossii: kand. diss.* [Administration and Court among the Small Peoples of the North of Siberia and the Far East in Tsarist Russia: Diss. Cand.]. Tomsk, 1985. (in Russ.).

Miller A. I. *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and Nationalism: An Essay on the Methodology of Historical Research]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2006. (in Russ.).

Minenko N. A. [Materials on Customary Law of the Peoples of the North of Western Siberia in the First Half of the 19th Century]. *Arkheografiya i istochnikovedeniye Sibiri* [Archaeography and Source Studies of Siberia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1975, iss. 1, pp. 30–46. (in Russ.).

Mironov B. N. *Upravleniye etnicheskimi mnogoobraziyem Rossiyskoy imperii* [Administration of the Ethnic Diversity of the Russian Empire]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2017. (in Russ.).

Naumkina V. V. *Obychnoye pravo kochevykh narodov Vostochnoy Sibiri* [Customary Law of the Nomadic Peoples of Eastern Siberia]. Moscow: Yunity-Dana Publ., 2021. (in Russ.).

Novaya imperskaya istoriya Severnoy Evrazii [New Imperial History of Northern Eurasia]. Kazan: Ab Imperio Publ., 2017, part 2. (in Russ.).

Opisaniye Irkutskogo namestnichestva 1792 goda [The 1792 Description of the Irkutsk Governorship]. Novosibirsk: Nauka, SO Publ., 1988. (in Russ.).

Pavlinov D. M., Vitashevsky N. A., Levental L. G. *Materialy po obychnomu pravu i po obshchestvennomu bytu yakutov* [Materials on Customary Law and Social Life of the Yakuts]. Leningrad: AN SSSR Publ., 1929. (Proceedings of the Commission for the Study of the Yakut ASSR; vol. 4). (in Russ.).

Pavlova-Silvanskaya M. P. [Creation of Class Courts for Peasants in 1775]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya* [Moscow University Bulletin. Series 8: History], 1963, no. 3, pp. 69–73. (in Russ.).

Perevalova E. V. *Severnyye khanty: etnicheskaya istoriya* [Northern Khanty: Ethnic History]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2004. (in Russ.).

Shadrina G. E., Shadrina-Dyachkova Yu. E. Agdaaky. *V Mal'zhagarskiy nasleg* [Agdaaki. 5th Malzhagarsky Nasleg]. Yakutsk: Adverti Publ., 2016. (in Russ.).

Tsybikov B. D. *Obychnoye pravo khorinskikh buryat* [Customary Law of the Khorin Buryats]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1992. (in Russ.).

Tumurova A. T. *Obychnoye pravo buryat po Selenginskomu ulozheniyu 1775 goda: kand. diss.* [Customary Law of the Buryats According to the 1775 Selenga Code: Diss. Cand.]. Moscow, 1997. (in Russ.).

Zibarev V. A. *Yustitsiya u malykh narodov Severa (XVII–XIX vv.)* [Justice among the Small Peoples of the North (17th–19th Centuries)]. Tomsk: TomGU Publ., 1990. (in Russ.).

Для цитирования: Воропанов В. А. Регулирование юрисдикции в отношении коренных народов Сибири в период правления Екатерины II // Уральский исторический вестник. 2024. № 1(82). С. 25–32. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-1(82)-25-32.

For citation: Voropanov V. A. Regulation of Jurisdiction over the Indigenous Peoples of Siberia under Catherine II // Ural Historical Journal, 2024, no. 1 (82), pp. 25–32. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-1(82)-25-32.